

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ / THE DIALECTICS OF ANTI-CORRUPTION

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Section editor P. A. Kabanov

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.122-135>

УДК 328.185:343.352:343.9:791.43

А. Л. МЕЛЬНИКОВА¹,

А. С. МИЦУЛ

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

РОЛЬ КИНЕМАТОГРАФА В ПРОВЕДЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ

Контактное лицо:

Анна Леонидовна Мельникова, эксперт Проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: abatalina@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3963-2581>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/ADS-6406-2022>

Мицул Анастасия Сергеевна, независимый исследователь

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4933-8294>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AEQ-8997-2022>

Аннотация

Цель: проведение комплексного междисциплинарного правового исследования роли кинематографа в антикоррупционном просвещении граждан.

Методы: структурно-функциональный подход к трактовке общества как связи подсистем, в рамках которого кинематограф выступает частью культурной подсистемы, а антикоррупционная политика относится одновременно к общественной подсистеме (просвещение) и государственной подсистеме (политика). Выбранный подход обуславливает набор конкретных методов исследования, таких как критический анализ теоретической литературы по вопросам коррупционного поведения и по взаимоотношению зрителя и продукта кинематографа в совокупности с эмпирическим исследованием различных кейсов в виде киноработ и кинопроектов, посвященных антикоррупционной тематике.

Результаты: в ходе анализа механизмов выстраивания взаимоотношений зрителя и кино были определены возможности кино оказывать долгосрочное влияние на зрителя, обусловленное не только техническими возможностями кинематографа, но и благодаря психобиологическим механизмам человека. На примере конкретных проектов была доказана и обоснована целесообразность использования кинематографа в качестве инструмента антикоррупционного просвещения. В частности, если в сюжет художественного фильма заложить нужные посылы, то благодаря зеркальным нейронам и механизмам додумывания человека они могут служить образовательным целям и демонстрировать

© Мельникова А. Л., Мицул А. С., 2022

© Melnikova A. L., Mitsul A. S., 2022

последствия коррупционного поведения. Важно не запугивать зрителей ужасами жизни с коррупцией, а показывать положительный выход и позитивные сценарии жизни без нее. Это может привести к повышению гражданской активности, росту интереса к обсуждаемой проблеме, а также к повышению рейтингов доверия к государству.

Научная новизна: в статье доказывается нецелесообразность оценки кинематографа исключительно как формы развлечения, а также впервые разбираются примеры практического применения кинематографа для проведения именно антикоррупционной политики и просвещения в разрезе сравнения подходов в разных странах.

Практическая значимость: основные выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности при разработке долгосрочных стратегий и программ антикоррупционного просвещения, а также в рамках кинематографической деятельности для оценки долгосрочных последствий демонстрируемого кинонарратива.

Ключевые слова: антикоррупционное просвещение, коррупция, восприятие кинематографа, кино, теория восприятия, поведенческая теория, антикоррупционное мировоззрение

Статья публикуется по результатам доклада на конференции «Диалектика противодействия коррупции» (Казань, 2021 г.).

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Мельникова А. Л., Мицул А. С. Роль кинематографа в проведении антикоррупционного просвещения: мировой опыт // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 122–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.122-135>

The scientific article

A. L. MELNIKOVA¹,

A. S. MITSUL

¹ National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ROLE OF CINEMATOGRAPHY IN ANTICORRUPTION ENLIGHTENMENT: GLOBAL EXPERIENCE

Anna L. Melnikova, expert of the Project-academic laboratory for anticorruption policy, National Research University “Higher School of Economics”

E-mail: abatalina@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3963-2581>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/ADS-6406-2022>

Anastasia S. Mitsul, independent researcher

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4933-8294>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AEQ-8997-2022>

Objective: to conduct a comprehensive interdisciplinary legal study of the role of cinematography in anti-corruption enlightenment of citizens.

Methods: a structural and functional approach to the interpretation of society as a connection of subsystems, in which cinematography is a part of the cultural subsystem, while anti-corruption policy refers simultaneously to the public subsystem (enlightenment) and the state subsystem (politics). The chosen approach determines a set of specific research methods, such as a critical analysis of theoretical literature on corruption behavior and on the relationship between a viewer and a cinematography product in conjunction with an empirical study of various cases in the form of films and film projects devoted to anti-corruption topics.

Results: the analysis of the mechanisms of building the relationships between a viewer and cinematography allowed identifying the possibilities of cinematography to have a long-term impact on a viewer, due not only to the technical capabilities of

cinematography, but also to the psychobiological mechanisms of man. By the example of specific projects, the expediency of using cinema as an anti-corruption enlightenment tool was proved and justified. In particular, if the relevant messages are laid in the plot of a feature film, then, thanks to mirror neurons and human thinking mechanisms, they can serve educational purposes and demonstrate the consequences of corrupt behavior. It is important not to intimidate the audience with the horrors of living with corruption, but to show a positive way out and scenarios of living without it. This can lead to an increase in civic engagement, to an increase in interest in the issue under discussion, as well as to an increase in ratings of trust in the state.

Scientific novelty: the article proves the inexpediency of evaluating cinema solely as a form of entertainment, and for the first time examines examples of the practical application of cinema for anti-corruption policy and enlightenment by comparing approaches used in different countries.

Practical significance: the main conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and practical activities when developing long-term strategies and programs of anti-corruption enlightenment, as well as in the framework of cinematographic activities to assess the long-term consequences of the demonstrated film narrative.

Keywords: Anti-corruption enlightenment, Corruption, Perception of cinema, Cinematography, Perception theory, Behavioral theory, Anti-corruption worldview

The article is published as a result of the report at the conference “Dialectics of corruption counteraction” (Kazan, 2021).

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Melnikova, A. L., Mitsul, A. S. (2021). Role of Cinematography in Anticorruption Enlightenment: Global Experience. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 122–135 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.122-135>

Введение

Борьба с любой проблемой проходит по трем направлениям: пресечение, наказание, предупреждение. Чтобы проблемы больше не возникало, необходимо поменять отношение к ней граждан, так как если явление существует уже много десятилетий, то оно часто начинает восприниматься как неотъемлемая часть жизни. Именно так часто относятся к коррупции. Однако для гармоничного развития любого государства и общества с коррупцией необходимо бороться, и не только через проведение антикоррупционной политики, но и посредством антикоррупционного просвещения, т. е. предупреждения самого факта коррупционного поведения. Такое просвещение в идеале должно формировать в обществе стойкое негативное отношение к коррупции, отказ от совершения коррупционных действий, но самое главное – научить распознавать различные виды коррупции и наглядно демонстрировать дальнейшие действия. Мы считаем, что эффективным инструментом для такого подхода должен стать кинематограф. Целью нашего исследования, таким образом, является доказательство практической возможности использования кинематографа в частной сфере антикоррупционного просвещения. С помощью критического анализа теоретической

литературы как в области коррупционного поведения, так и в области взаимоотношений зрителя и продукта кинематографа, в совокупности с эмпирическим исследованием различных международных кейсов в виде киноработ и кинопроектов, посвященных антикоррупционной тематике, мы продемонстрируем, как именно кинематограф влияет на зрителя и как данные выводы мы можем использовать в проведении антикоррупционного просвещения.

Коррупция возникает тогда, когда выгоды от ее совершения превышают негативные последствия. При этом негативные последствия могут быть как краткосрочными (например, поймали за руку и посадили в тюрьму), так и долгосрочными (ухудшение качества жизни людей, на которых должен работать чиновник). Для того чтобы поменять отношение к коррупции как к привычному злу, мы можем обратиться к кинематографу. Несмотря на то, что кино – молодое искусство, довольно быстро оно стало выполнять социально значимые функции. Среди исторических примеров – попытки воспитания «нового человека» в СССР и борьба с безнравственностью на экране в США. Если мы обратимся к более современным примерам, то в данном случае стоит упомянуть Францию, где использование кинематографа одновременно в качестве объекта изучения и образовательного мате-

риала – инициатива, впервые выдвинутая на высшем уровне в 1984 г. в качестве эксперимента, – практикуется по сей день [1]. Кино дает нам уникальную возможность наглядно показать, как коррупционное действие влияет на жизнь людей, даже тех, кто не участвовал непосредственно в этом действии, что позволяет формировать у зрителя негативное отношение к коррупции как явлению.

Данный вывод подтверждается при исследовании поведенческих теорий, объясняющих коррупцию, таких как теория возможности К. Беккера, теория контроля Т. Хирши, а также «ментальности дурака» Д. Финкенауэра и Э. Вэринг. То, каким образом кинематограф оказывает влияние на зрителя, мы можем узнать из различных теорий взаимодействия зрителя и экрана, в частности, теории монтажа С. Эйзенштейна, психоаналитических подходов К. Метца и Ж.-Л. Бодри, теории кино Ж. Делеза. Образовательный потенциал кинематографа подтверждается теорией зеркальных нейронов В. Галлезе. Рассмотрев данные теории, мы можем сделать вывод о теоретической целесообразности использования кинематографа в качестве инструмента антикоррупционного образования.

Мы также рассмотрим ряд практических примеров использования кино для проведения антикоррупционной политики и для формирования негативного отношения к коррупции у граждан. В частности, мы подробно рассмотрим Индонезийский антикоррупционный фестиваль (ACFFest), китайский кейс сериала «Именем народа» и мексиканский пример политической киносатиры.

Результаты исследования

Существует ряд теорий, которые объясняют, почему человек предпочитает криминальное поведение легальному. Некоторые описывают их с точки зрения математики, другие – социологии. К. Беккер смотрел на поведение с экономической точки зрения. Он является родоначальником экономической теории преступности, суть которой в том, что перед каждым человеком стоит выбор – совершить преступление или действовать в рамках закона. Человек действует рационально и выбирает преступную деятельность, если издержки от преступления ниже получаемой выгоды. И при этом совершить преступление выгоднее, чем соблюсти закон. То есть человек будет брать

взятку, если риска быть пойманным нет, а честным трудом он таких денег никогда не заработает. Но эта теория предполагает, что все индивиды рациональны, и считает только математическую выгоду. Человек – существо социальное, а значит, нельзя исключать из уравнения социальные связи.

Т. Хирши разрабатывал теорию социального контроля, согласно которой гарантом выступают «социальные обручи». Эти обручи соединяют индивидов между собой, благодаря чему позволяют сохранять коллективные интересы. Одновременно с этим обручи выступают элементами социального контроля. Хирши выделял четыре вида: привязанность, обязательство, вовлеченность, убеждение. Человек не может жить вне этих связей, поэтому, когда традиционные связи внутри одной группы разрушаются, он ищет их в других. И таким образом может попасть в группы, разделяющие коррупционные убеждения. Социальные группы берут на себя обязанности социализации и формирования идентичности. Поэтому важно не только то, с какими убеждениями человек пришел, но и то, какие убеждения разделяет группа.

«Ментальность дурака» нельзя отнести к классическим теориям. Она разрабатывалась Финкенауэром и Вэринг в книге «Русская мафия в Америке: иммиграция, культура и криминал», и суть ее состоит в том, что человек, попавший в определенную среду, перенимает правила игры, принятые в этой среде, чтобы не выглядеть дураком [2. С. 51]. Применительно к данной статье, не только человек влияет на среду, но и среда влияет на его решения; человек действует так, чтобы оправдать ожидания, не выглядеть белой вороной, дураком. Ниже мы будем рассматривать фильм мексиканского режиссера Луиса Эстрады «Закон Ирода», где показана именно такая трансформация.

Кинематограф, будучи частью культуры, выполняет все присущие культуре функции, в частности социализирующие, просветительские и воспитательные: через кино каждому зрителю транслируются не только устоявшиеся знания о мире, но также и принятые в конкретном социуме нормы и ценности. Воспринимая и имплементируя эти нормы, зритель невольно адаптируется в обществе, соответственно, мы считаем нецелесообразным говорить исключительно о развлекательной функции кинематографа. Кинематограф пользуется большой популярностью в первую очередь потому, что является легкой для потребления

и восприятия формой. Кроме того, кинопродукция в массе своей узнаваема, т. е. большая часть фильмов относится к так называемому жанровому кино, где каждый фильм структурно подобен самому себе. И таким образом разрешается загадка эстетического наслаждения киноискусством – «...зритель узнает в произведении искусства образы, складывает их в модель реальности. Формулировка “Я вижу” подразумевает, кроме физической возможности увидеть что-то, еще и формулировку “Я понимаю, я узнаю то, что передо мной”» [3. С. 39]. Это узнавание жанра и одновременное наличие неопределенности в сюжетных ходах удерживает внимание зрителя, в некотором смысле подчиняет зрителя себе.

Кино приковывает внимание, но почему мы этому подчиняемся, даем парализовать себя на несколько часов, как эти часы влияют на нас? Ниже мы рассмотрим три подхода к трактовке подобных механизмов, что позволит сделать выводы о целесообразности применения кинематографа в области просвещения вообще и антикоррупционного просвещения в частности. Отдельно отметим, что в силу несформированности единой исчерпывающей теории кинематографа все подходы и варианты их комбинаций имеют право на существование.

Первый рассматриваемый нами подход – кино-как-окно. Кинематограф для сторонников этого подхода выступает своеобразным окном в (искусственную) реальность, а зритель – бесправный наблюдатель, невидимый свидетель истории, на которую не в состоянии повлиять, но которая способна повлиять на него; кино при этом является активным конструктором смыслов. С. Эйзенштейн, теоретик и практик «монтажного аттракциона», считал монтаж работой с целью «обработки этого зрителя в желаемом направлении через ряд нажимов на его психику» [4. С. 14]. То есть монтаж есть конструирование реальности, что вытекает в осмысление кинематографа как инструмента пропаганды: создатель фильма добивается реакций от зрителя посредством манипуляции картинкой (монтажа), а зритель, будучи не объектом, а бесправным субъектом, на которого направлен показ, формирует стимулы, а в долгосрочной перспективе – модель поведения, что, например, сделало кино в СССР инструментом формирования «нового человека». Однако такой подход не берет в расчет индивидуальность каждого зрителя и его опыта, осо-

бенно если учесть, что до недавнего момента контакт с кинематографом являл собой волевой акт, выход в специально предназначенное для этого помещение.

Зритель, замкнутый в пространстве и прикованный к экрану, переживает то, что называется магией кино. Психоаналитические подходы так трактуют данный опыт: зритель, полностью захваченный происходящим на экране, впадает в некий транс, из-за чего «в затемненном помещении кинозала связь с реальностью ослабевает, и внешняя, оптическая, проекция способствует появлению внутренних проекций» [5. С. 136]. Развитие теории предложил К. Метц, в 1970-х гг. трактовавший кино-как-зеркало. Классический рефлексивный подход видит фильм как отображение реальности, где зритель при взгляде на экран познает через героя себя. Трактовка же Метца предполагает акт ассоциирования себя с персонажем или персонажа с собой. Так, зритель уже не бесправный субъект, а «соучастник» процесса; он воспринимает информацию, пропуская ее через собственный опыт, и «примеряет» на себя посредством ассоциирования. Эта теория была обогащена Ж.-Л. Бодри, постулировавшим, что из-за особой организации пространства зритель одновременно обездвиживается и становится центром, на который направлено киноповествование, попадая под эффект кинозала: «Ощущение “я”, порождаемое кинематографом, таким образом и иллюзорно, и реально. Будучи не в состоянии контролировать силы, которые манипулируют и управляют восприятием, зритель тем не менее испытывает столь сильные (и зачастую приятные) субъективные эффекты адресации и интерпелляции, что у него возникает обостренное чувство присутствия» [5. С. 143]. Подход наследует платоновский миф о пещере, который весьма точно описывает опыт зрителя в кинозале: «Таким образом, моторный паралич – невозможность встать и уйти – лишает их возможности удостовериться в реальности происходящего. Это приводит к приукрашиванию ложного представления и заставляет путать репрезентацию и реальность» [5. С. 144].

Попавший в капкан фильма зритель может испытывать эмоции столь сильные, что иллюзорность кинореальности ослабевает. Как правило, мы стараемся рационализировать эмоции человека фразами в духе «Ой, да брось, это же кино!», тем самым признавая умение кино влиять на нас. Одновременно с этим

мы относимся к кино как к специфическому способу прожить опыт или эмоции, недоступные в обычной жизни. То есть мы добровольно признаем, что кино вовлекает и тем самым «может оставлять после себя след, обращаясь при этом к самым разным стратам сознания зрителя и вызывая многослойные, порой очень противоречивые чувства» [5. С. 198]. Прямым следствием признания столь огромного влияния кино на людей является цензура: кодекс Хейса в Голливуде запрещает «вредные» и «развратные» фильмы, опасаясь желания людей следовать примеру экранных кумиров; советская цензура запрещала фильмы, которые не проходили идеологический фильтр, исходя из той же концепции «вредности» для зрителя. Возможно, это излишняя опека зрителя, но, с другой стороны, это ли не признание феноменального образовательного потенциала фильма? В рамках такой трактовки мы обращаемся к кино-как-к-разуму, т. е. к способности кино как бы расширять наш разум в силу того, что фильмы, «не являющиеся ни полностью внешними, ни творениями “взгляда разума” зрителя, <...> оказываются сложнейшим образом вплетены во время, сознание и “я”» [5. С. 299]. Так мы признаем примат мозга над иными органами чувств, так как именно мозг принимает решение о том, что мы чувствуем при просмотре: внешнее воздействие фильма вызывает внутренние изменения в виде реакций и нейронных связей, и зритель становится активно включенным в процесс участником.

Таким образом, в рамках данного краткого обзора мы видим, что кино очевидно обладает властью над зрителем, и мы с удовольствием даем себя обманывать. Более того, именно мозг решает, как именно мы обрабатываем и внедряем полученную информацию. Как данные выводы помогут нам в вопросе антикоррупционного просвещения? Обратимся для этого к нейробиологии. В. Галлезе в своей работе *The Roots of Empathy: The Shared Manifold Hypothesis and the Neural Basis of Intersubjectivity* [6] утверждает, что наши способности к восприятию себя и других зависят не от языковых и ментальных способностей, но от нашего особого взаимодействия с миром. Одни и те же области мозга «включаются» и когда мы самостоятельно совершаем действие, и когда мы наблюдаем, как это делает другой. Этот феномен называется механизмом сопоставления, и возможен он благодаря наличию в мозге особых зеркальных ней-

ронов. Для них нет принципиальной разницы между действием и видением действия; они имеют ключевое значение для образовательного процесса – мы видим некое поведение и одновременно обучаемся ему. Применительно к кинематографу мы обнаруживаем мощный инструмент просвещения: как только зритель позволяет кино увлечь себя, включаются зеркальные нейроны, благодаря которым мы быстро и эффективно обучаемся новым навыкам. Монтажные манипуляции же позволяют вызвать у зрителя необходимые нам реакции и осторожно подтолкнуть к выводам. Умение людей ретроспективно додумывать увиденное под влиянием монтажа подтверждается экспериментом, проведенным и описанным советским режиссером Львом Кулешовым в 1929 г. и получившим название «Эффект Кулешова». В рамках эксперимента зрителям были показаны монтажные склейки актера и объекта, которые зрители трактовали однозначно. В реальности же эмоциональной окраски кадров не было [7]. Эксперимент показал, что монтажная склейка предоставляет людям контекст, который вкупе с нашим умением «зеркалить» поведение других и добровольным желанием пленяться кино делают кинематограф эффективным и мощным инструментом просвещения и образования.

Итак, кинематограф – крайне популярное искусство, которое не требует от зрителя чрезмерных физических и временных затрат; зрители легко и с удовольствием увлекаются нарративом. При этом мы можем рассматривать зрителя как:

- бесправного субъекта, на которого направлено заранее сконструированное повествование, вызывающее реакции;
- эгоистичного субъекта, идентифицирующего себя с персонажем и примеряющего на себя действия оного;
- сложный объект, решение за которого принимает мозг, который видит в фильме *продолжение* себя и уносит фильм в себе в повседневную жизнь.

Как только зритель становится увлечен действием на экране, к обработке получаемой информации и установлению эмоциональной связи подключаются зеркальные нейроны, а также механизмы «додумывания» причины и следствия под влиянием искусного монтажа. Эти механизмы в конечном счете позволяют зрителям сопереживать героям и учиться новым навыкам. Кино становится основным способом репрезен-

тации нашей культуры, и технологический прогресс делает кино карманным, мы постоянно имеем к нему прямой доступ, а значит, влияние кино на нас также должно становиться более весомым. Таким образом, мы делаем вывод, что кино должно стать мощным и эффективным инструментом антикоррупционного просвещения, если в фильмах будет наглядно показано, что такое коррупция, как распознать ее в жизни и как с ней бороться. Более того, кино в рамках своего сравнительно короткого хронометража может также продемонстрировать краткосрочные и долгосрочные последствия различных поступков героев и реакцию других на эти поступки. Следовательно, применительно к коррупции в фильмах можно демонстрировать последствия именно коррупционного поведения, через второстепенных персонажей давать оценку действиям, показывать не только негативные последствия жизни с коррупцией, но и позитивные сценарии жизни без нее. Далее мы рассмотрим ряд уже существующих фильмов и кинопроектов из разных стран, поднимающих тему коррупции и антикоррупционной политики, которые могут стать примером антикоррупционного просвещения.

История знает несколько ярких примеров использования кино в деле формирования новых моделей поведения. На ранних этапах становления СССР «предпринимались попытки создать новое социалистическое искусство, призванное обеспечить энтузиазм и политическое воспитание масс и отказаться от традиционных “пассивных” буржуазных развлечений» [8. С. 24]. Главный инструмент того времени – агитпроп. Увы, большой популярностью такое кино не пользовалось, но связано это было с низким качеством фильмов и недостаточной занимательностью сюжета, т. е. кино даже не успевало увлечь зрителя. В США же классическая голливудская комедия 30–40-х годов прошлого века применялась для преодоления последствий Великой депрессии. Вовлеченность населения в политический процесс после Депрессии была катастрофически низкой, доминировало мнение, что простой человек ничего изменить не может, именно поэтому распространенным тропом стал «маленький человек vs коррупционные политики», в котором человек выходит победителем и меняет политический процесс во благо, символизируя успех делиберативной демократии. Ярчайший пример использования такого тропа – фильм «Мистер

Смит едет в Вашингтон» 1939 г. (реж. Ф. Капра), в котором рассказана история борьбы молодого идеалиста Смита за справедливость и прозрачность политического процесса. Премьера фильма сопровождалась скандалом: по свидетельствам режиссера, и пресса, и Сенат считали фильм антиамериканским из-за демонстрации коррупции в правительстве, но у публики фильм пользовался оглушительным успехом. Преодоление последствий Депрессии не произошло только из-за фильмов, но само проведение политики оказалось возможным благодаря подготовке общества к изменениям через кино. В упомянутой нами ранее Франции обучение кинематографу не в разрезе кинопрофессий, а в разрезе анализа культурного феномена практиковалось еще в 1930-х гг. в формате кино клубов. К 1980-м гг. кинематограф однозначно признается важной формой передачи знаний о мире, инструментом формирования вкуса и идентичности, и к 1984 г. Франция запускает пилотный проект по внедрению обучения кинематографу в школьной системе. Данный образовательный трек остается в школах и сейчас, ставя своей задачей через изучение приемов, техники, технологий обучить студентов взаимосвязи дисциплин, связи разных форм искусства и выработать у них более ответственное, «социальное» отношение к миру [1]. В данном случае мы наблюдаем, скорее, в большей степени обучение фильму, в меньшей – через фильм, но тем не менее кинематограф при таком подходе занимает значимое место в культуре и в формировании личности. Пожалуй, наиболее ярко просвещение через фильмы видно на примере пандемии COVID-19. Мир, столкнувшись с глобальным кризисом, обратился к кино как гибкому и доступному инструменту, позволяющему в кратчайшие сроки обучить зрителей правилам поведения в разгар пандемии. Так, существующий в ЮАР аналог «Улицы Сезам», детская передача *Takalani Sesame*, оперативно подготовил ролики, нацеленные на детей до шести лет, демонстрирующие одновременно любимых героев и правильную технику мытья рук и чихания, а аргентино-голландская инициатива по созданию видеороликов из локдауна *My #QuarantineLife* предоставила детям до 18 лет по всему миру, с одной стороны, терапевтический инструмент, демонстрирующий, что они не одни, а с другой – образовательный инструмент, показывающий, как устроена локдаун-жизнь в других странах

[9]. Таким образом, мы считаем, что роль кинематографа в качестве инструмента просвещения не ограничивается лишь теоретическими предположениями, мы видим как исторические, так и современные примеры. Теперь обратимся к современным кейсам специфически антикоррупционного просвещения.

В первую очередь мы рассмотрим кейс Индонезийского антикоррупционного кинофестиваля (*ACFFest*). Это проект комиссии по искоренению коррупции *Komisi Pemberantasan Korupsi* (далее – КПК), созданной в 2002 г. [10. С. 253]. КПК – государственный орган, стремящийся повысить эффективность государственной политики в противодействии коррупции. Круг полномочий КПК – от проведения расследований до заморозки счетов и выяснения происхождения денежных средств.

За время своего существования комиссия провела ряд крупных расследований и громких арестов. Так, в 2010–2012 гг. она раскрыла дело о взяточничестве в ходе проекта по строительству спортивного центра Хамбаланг [11. С. 34]. Расследование было начато в конце 2010 г., и уже к июлю 2012-го, допросив около 100 свидетелей, комиссия назвала имя первого подозреваемого. Им стал Дедди Кусдинар, занимавший должность начальника финансового и внутреннего бюро Министерства молодежи и спорта. Еще через пять месяцев появился новый подозреваемый – уже сам министр молодежи и спорта Анди Альфиан Малларангенг. На следующий день после выдвижения обвинения он подал в отставку. Это был первый министр, который ушел в отставку по результатам антикоррупционного расследования КПК. Всего комиссия провела расследования, возбудила уголовные дела и добила 100 % осуждения по 86 делам о взяточничестве и взяточничестве, связанном с государственными закупками и бюджетами [12].

Однако назрела необходимость привлечения внимания граждан к проблеме коррупции, для чего в 2013 г. был запущен кинофестиваль [13]. С одной стороны, КПК пользовалась огромной поддержкой среди населения, с другой – большое количество громких расследований могло вызвать в обществе пессимизм и недоверие к действующей власти. Основной целью фестиваля являются вовлечение молодежи в кампанию против коррупции и возможность проявить себя начинающим талантам, а также «оживление» знаний о коррупции на примерах из жизни.

То, что комиссия решила прибегнуть к формату кинофестиваля, – довольно смелый, но эффективный ход. Некоторые теоретики считают, что создание отдельного канала, посвященного вопросам коррупции и противодействия ей, могло бы стать эффективным инструментом антикоррупционного просвещения [14], однако в случае с фестивалем зрители могут еще и самостоятельно создавать контент.

Стоит отметить, что еще до создания кинофестиваля КПК вела активную работу в социальных сетях. У комиссии есть живые и регулярно обновляемые аккаунты в «Фейсбуке» [15], «Твиттере» [16], «Инстаграме» [17] и на «Ютубе» [18]. Именно поэтому был выбран виртуальный формат фестиваля, который полностью проходит в «Ютубе», куда выкладываются конкурсные фильмы и где выбираются победители.

Отбор проходит в два этапа: сначала все желающие направляют творческие заявки, включающие синопсис будущего фильма; хронометраж проектов не должен превышать 15 минут. Далее отборочная комиссия выбирает 7–10 команд, которые будут снимать фильмы в специальном кинолагере под руководством профессионалов на деньги фестиваля, т. е. участие доступно всем желающим. На втором этапе происходит выбор победителей. По правилам фестиваля КПК оставляет за собой право использовать конкурсную работу для проведения антикоррупционного просвещения [19]. С 2015 г. все ролики выкладываются на официальный ютуб-канал КПК и сопровождаются субтитрами на английском языке, т. е. фестиваль направлен не только на граждан Индонезии, но и на внешнего зрителя.

Стоит отметить, что качество исполнения и проработка проблем растут год от года. Так, фильм-победитель первого года сложно назвать антикоррупционным (муж крадет на работе деньги, чтобы купить телефон жене), а победители последних – уже серьезные работы, демонстрирующие, что личное обогащение не может пройти без последствий для других: бедные, лишенные риса, голодают (*Jimpitan* [20]); семья, пережившая стихийное бедствие, не может получить материальную помощь, необходимую для возвращения к нормальной жизни (*Home sweet home* [21]).

Достиг ли кинофестиваль поставленной цели? Несмотря на то, что КПК была создана государством, многие чиновники хотят ограничить ее работу. Так,

в 2019 г. парламент принял поправки в Закон от 2002 г. о комиссии по искоренению коррупции, согласно которой комиссия теряла часть полномочий по ведению расследований. Поправки были приняты всего за 12 дней, комиссия на заседание приглашена не была [22]. Принятие поправок вылилось в волну недовольства в обществе. Уже 23 сентября прошли массовые демонстрации молодежи и студентов. Впоследствии они стали выступать и против других законов, а их движение с 1998 г. переросло в крупнейшее студенческое движение в Индонезии [23].

То есть мы можем сделать вывод, что своей деятельностью КПК достигла своей цели – у молодежи сложилось нетерпимое отношение к коррупции. Конечно, это заслуга широкого спектра деятельности КПК, но то, что коррупционные действия чиновников воспринимаются однозначно негативно и что работа комиссии считается необходимой, заслуга именно антикоррупционного просвещения, мощнейшим инструментом которого стал виртуальный кинофестиваль, доступный всем желающим.

Обратимся к опыту близкого соседа Индонезии – Китая, где в 2012 г. был проведен ряд реформ по противодействию коррупции. В частности, была ратифицирована конвенция ООН против коррупции и принят ряд внутренних документов. Следствием была отмена хоть и негласной, но все же цензуры, не допускающей выхода в эфир в прайм-тайм фильмов, показывающих реальные коррупционные проблемы. Это привело к появлению сериала «Именем народа». Он был снят при поддержке Верховной народной прокуратуры КНР и вышел в прайм-тайм 28 марта 2017 г. Пилотную серию посмотрели более 7,5 млн человек, а общее число просмотров в Интернете достигло 350 млн. Начиная с третьей серии сериал занимает первое место в рейтинге телепрограмм Китая [24].

Сериал вызвал огромный резонанс, в частности, тем, что он показывает реальные события. Так, в первой серии мы видим арест чиновника, у которого в загородном доме стена была выложена пачками банкнот; прототипом послужило дело заместителя руководителя департамента угольной промышленности Национального управления по энергетике Вэй Пэньюаня [25], в доме которого после ареста была найдена такая стена денег.

Не только рейтинги говорят о том, что борьба с коррупцией в Китае выходит на новый уровень:

зрители начинают сравнивать реальность с кино. Так, например, случилось с «окном Дин Ичжэня». Так звали заместителя мэра одного вымышленного города, показанного в фильме, который специально делал окошки для обращений граждан так низко, чтобы подошедший кланялся и испытывал неудобства при общении с работником, сидящим по другую сторону окна. После выхода этой серии в китайском сегменте Интернета началось движение против подобных окон в реальных инстанциях.

Благодаря в том числе сериалу произошла трансформация общественного сознания. Коррупция из проблемы, которая существует где-то далеко и не касается лично, постепенно становится проблемой повседневной [26]. При этом ведущая роль партии не подрывается, а доверие к правительству не падает. Можно предположить, что через несколько лет возникнут народные антикоррупционные инициативы, которые будут либо инициировать законы, либо следить за качеством деятельности государственных служащих, работая при этом на благо КНР.

Далее мы рассмотрим кейс Мексики, ситуация в которой несколько отличается, так как проблема коррупции тесно связана с проблемой организованной преступности, преступных синдикатов и наркоторговли. В таких условиях вопрос борьбы с коррупцией становится вопросом не просто материального благополучия, но и личной безопасности. Именно поэтому в последние годы он стоит на повестке дня у довольно сильных организаций гражданского общества.

В этой связи стоит обратить внимание на два фильма: «Закон Ирода» (1999) и «Идеальная диктатура» (2014). Несмотря на то, что между выходами фильма прошло 15 лет, они очень похожи и главным героем является один и тот же персонаж. Оба фильма сняты в жанре гротескной политической сатиры, режиссером, сценаристом и продюсером обоих выступил Луис Эстрада. Стоит отметить, что фильмы составляют тетралогия вместе с фильмами «Чудесный мир» (2006) и «Ад» (2010), которые посвящены социальной сфере и проблемам мафии и наркоторговли соответственно.

Фильм «Закон Ирода» был выпущен накануне президентских выборов 2000 г. и, несмотря на царившую в тот момент цензуру, был допущен к показу в кинотеатрах в связи с большим интересом зрителей. Тогда во главе страны стояла Институционально-

революционная партия (далее – ИРП), бесценно правившая в стране с момента создания в 1938 г. Формально в стране была многопартийность, но квоты в парламенте для других партий определялись ИРП, т. е. произошло слияние партии и государства. ИРП проводила политику экономического контроля, ее поддерживали СМИ, но после кризиса 1994 г. ее позиции начали слабеть, а в 2000 г. президентские выборы впервые выиграл не представитель ИРП.

Популярность фильма была вызвана и усталостью населения от политической ситуации в стране, и желанием посмотреть остроактуальный фильм без цензуры. В фильме партия, которую представлял главный герой, прямо не называлась, но все понимали, что речь идет именно об ИРП.

По сюжету фильма в вымышленный городок Сан-Педро-де-лос-Сагуарос приезжает новый и. о. мэра Хуан Варгас. Предыдущий мэр был свергнут разъяренной толпой жителей. Варгас пытается наладить жизнь города, но, с одной стороны, он испытывает резкую нехватку средств, с другой – это противоречит сложившемуся в городе укладу: доверие вызывали только неформальные связи, проблемы решались не по закону, а по сложившемуся порядку (так, хозяйка борделя на знакомство с мэром несет ему взятку, чтобы сразу установить «дружеские связи»). Варгас просит у секретаря губернатора штата от партии Лопеса финансирование от центрального правительства, но получает отказ, так как все деньги уходят на избирательную кампанию на грядущих президентских выборах. Лопес дает Варгас копию мексиканской конституции и револьвер и говорит, что есть только один закон – закон Ирода, т. е. побуждает сильнейший: либо Варгас начнет играть по «политическим» правилам, либо его будет ждать участь предыдущего мэра. Варгас принимает правила игры и берет взятки от влиятельных людей в городе, соблюдая ритуал и устанавливая контакт. Он уверен, что делает это единожды в порядке исключения, но вскоре им овладевает жажда наживы: он поднимает налоги, штрафует население, сажает тех, кто не подчиняется. Шантажом и убийством Варгас устраняет всех своих политических противников, но в итоге народ хочет расправиться с ним так же, как и с предыдущим мэром.

В фильме нет положительных героев: все так или иначе погрязли в коррупции. Как Варгас не смог со-

противляться жажде наживы, так и местные жители привыкли решать проблемы взятками и не поддерживали Варгаса в его изначальном желании блага для города законным путем.

Фильм получил множество наград. И хотя он был не единственным фактором, повлиявшим на конец единоличного правления ИРП, в нем была очень точно воссоздана атмосфера лжи и напряженности, которая всегда сопровождает коррупцию; наглядно показано, что не бывает «хорошей коррупции»: даже благие цели, достигаемые коррупционным путем, умножают беззаконие.

Второй фильм, «Идеальная диктатура», вышел после выборов 2012 г., на которых разразился скандал вокруг партии ИРП. Считается, что большинство мексиканских телеканалов, освещая новостные сюжеты, стремились выставить кандидата Энрике Пенья Ньето в наиболее выгодном свете [27]. Примечательно, что это не спровоцировало разбирательств, несмотря на многотысячные протесты против фальсификации выборов [28]. Похоже, режиссер решил: раз правительство отказывается отвечать на вопросы населения о выборах, он сам снимет свою гротескную версию событий.

Основная идея фильма – показать, как телевидение может контролировать политические настроения в стране. Главным героем фильма становится все тот же Хуан Варгас, уже губернатор, и на этот раз он метит в президенты. Но он сталкивается с проблемой: в телеэфире показывают запись, на которой похожий на него человек принимает деньги от человека, похожего на представителя наркокартеля. Запись была передана телеканалу специально, чтобы отвлечь от ляпа президента на встрече с американским послом, на которой он сказал, что если Америка откроет границы, то мексиканцы приедут и будут делать «даже ту работу, за которую негры не берутся». В фильме прекрасно показан механизм виральности мемов и хештегов на примере «внутрикиношного» хештега #YaNiLosNegros. Варгас решил: раз телевидение смогло разрушить его имидж, оно может его восстановить. Он под видом пожертвования дает главе телеканала огромную взятку, после чего запускается процесс обеления Варгаса. В это же время в штате Варгаса пропадают две девочки, что становится прекрасным поводом хвалить губернатора в новостных сюжетах. Варгас выступает по телевидению с обе-

щением найти пропавших, присутствует на поисках и даже соглашается оплатить часть выкупа. В итоге репутация губернатора полностью восстановлена, он побеждает на президентских выборах.

Популярность фильма объясняется, в частности, тем, что сюжетные ходы в фильме имели реальные прототипы из жизни, например:

– проплаченные ролики в пользу победившего на выборах в президенты кандидата: в 2012 г. в газету *The Guardian* были переданы документы, доказывающие, что *Televisa*, крупнейшая мексиканская телекомпания, позиционирующая себя политически нейтральной, за деньги распространяла пропагандистские ролики о Пенья Ньето [29];

– видеозаписи Варгаса и главы наркокартеля очень похожи на те, что фигурировали в скандале 2003 г. с Рене Бежарно: тогда демонстрировались видеоролики, на которых он получал 45 000 долларов от аргентинского бизнесмена Карлоса Аумады [30].

В 2015 г. фильм был номинирован в 10 категориях Мексиканской академии киноискусств, но получил приз только за лучшую мужскую роль. Тем не менее публика тепло его приняла. Опасаясь, что фильму будут созданы проблемы в прокате, зрители поддерживали его в соцсетях, публикуя посты с хештегом #NoALaCensura («за фильм, который говорит правду») [31].

Выводы

Итак, кинематограф, увлекая нас нарративом, несет в себе огромный потенциал для проведения антикоррупционного просвещения. При этом для достижения результата не нужно снимать строго обучающие фильмы. Более того, опыт агитпропа показал, что такие фильмы не достигают поставленной цели. Однако если в сюжет хорошего художественного фильма заложить нужные нам послы, то благодаря нашим зеркальным нейронам и механизмам додумывания они могут служить образовательным целям, демонстрировать, в частности, последствия коррупционного поведения.

Важно привлекать внимание гражданского общества к проблеме. Можно привлекать его к активному участию в ее решении, как это происходит в Индонезии, или обозначать реперные точки, как в Китае или Мексике. Первый вариант сложнее в реализации, но и эффективнее. Кроме того, он поможет выявить сферы, которые общество считает наиболее проблемными, и в первую очередь решить эти проблемы.

Также важно не запугивать зрителей ужасами жизни с коррупцией, а показывать положительный выход и позитивные сценарии жизни без нее. Это может привести к повышению гражданской активности, росту интереса к обсуждаемой проблеме, а также повышению рейтингов доверия к государству.

Список литературы

1. Desbarats F. High-school cinema curricula: Evidence of new trends in education // *Film Education Journal*. 2021. № 4 (2). Pp. 125–135.
2. Finckenauer J., Waring E. *Russian mafia in America: immigration, culture, and crime*. Boston: Northeastern University Press, 1998. 303 p.
3. Roy, A. *Dictionnaire général du cinéma. Du cinématographe à Internet*. Québec: Fides, 2007. 518 p.
4. Эйзенштейн С. М. За кадром. Ключевые работы по теории кино. 2-е изд. Москва: Академический проект, 2021. 680 с. (Сер.: Технологии культуры).
5. Эльзессер Т., Харемер М. Теория кино. Глаз, эмоции, тело. Санкт-Петербург: Сеанс, 2018. 440 с.
6. Gallese V. The roots of empathy: the shared manifold hypothesis and the neural basis of intersubjectivity // *Psychopathology*. 2003. № 36 (4). Pp. 171–180.
7. Эффект Кулешова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZwMRtWNEQRo> (дата обращения: 02.11.2021).
8. Белодубровская М. Не по плану. Кинематография при Сталине / пер. с англ. Л. Мезеновой. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 264 с. (Сер.: Кинотексты).
9. Atkinson J., Bulbulia F. Children coping with COVID-19: Intersectional understandings of Film and media access in a crisis // *Film Education Journal*. 2021. № 4 (1). Pp. 29–43.
10. Widodo J. D. Indonesia's anticorruption campaign: civil society versus the political cartel // *The changing face of corruption in the Asia Pacific*. Elsevier, 2017. Pp. 253–265.

11. Mufti H. R., Kanumayoso B. KPK and the commitment of the Indonesian government to eradicate corruption (2004–2014) // *Cultural Dynamics in a Globalized World*. Routledge, 2018. Pp. 29–37.
12. Onishi N. Corruption Fighters Rouse Resistance in Indonesia // *New York Times*. 25 July. 2009. URL: <https://www.nytimes.com/2009/07/26/world/asia/26indo.html?pagewanted=all> (дата обращения: 02.11.2021).
13. Ebang Y. B. The Role of Mass Media in eradicating corruption // *Asia Pacific Fraud Journal*. 2016. Vol. 1, № 2. Pp. 189–194.
14. Pramoto D. A., Kriyantono R. The Power of Media Effect: Construction Television as Media from Anti-Corruption Education in Indonesia // *KKU International Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016. № 6 (1).
15. Komisi Pemberantasan Korupsi. URL: <https://www.facebook.com/KomisiPemberantasanKorupsi> (дата обращения: 03.11.2021).
16. KPK. URL: https://twitter.com/kpk_ri (дата обращения: 03.11.2021).
17. official.kpk. URL: <https://www.instagram.com/official.kpk/> (дата обращения: 03.11.2021).
18. KPK RI. URL: <https://www.youtube.com/user/HUMASKPK> (дата обращения: 03.11.2021).
19. Regulasi Kompetisi Ide Cerita Film Pendek. URL: <https://www.kpk.go.id/id/acffest-2021/acffest-2022-regulasi-film-pendek> (дата обращения: 01.11.2021).
20. Jimpitan KPK RI / ACFFest 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Lj8cIl-DGU4&ab_channel=KPKRI (дата обращения: 01.11.2021).
21. Home sweet home KPK RI / ACFFest 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jiP4l0qWDOY&t=679s&ab_channel=KPKRI (дата обращения: 01.11.2021).
22. Ghaliya G. Breaking: KPK bill passed into law // *The Jakarta Post*, 17 Sept. 2019. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2019/09/17/breaking-kpk-bill-passed-into-law.html> (дата обращения: 01.11.2021).
23. Heriyanto D. No, Indonesian students are not taking to the streets only to fight sex ban // *The Jakarta Post*. 27 Sept. 2019. URL: <https://www.thejakartapost.com/community/2019/09/27/no-indonesian-students-not-taking-to-streets-only-to-fight-sex-ban.html> (дата обращения: 03.11.2021).
24. Мерекина О. «Именем народа»: борьба с коррупцией по-китайски // *Магазета*. 26 апреля 2017. URL: <https://magazeta.com/serials-corruption/> (дата обращения: 01.11.2021).
25. Chinese official who had £24m cash at home given suspended death sentence // *The Guardian*. 17 Oct. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/17/chinese-official-who-had-24m-cash-in-his-house-given-suspended-death-sentence> (дата обращения: 01.11.2021).
26. Guan B. Fighting Corruption in China Using the Media // *RAIS Journal for Social Sciences*. 2019. Vol. 3, № 2. Pp. 55–61.
27. Linthicum K. Mexican filmmaker Luis Estrada's satirical agenda hits home // *Los Angeles Times*. 3 Nov. 2014. URL: <https://www.latimes.com/entertainment/la-et-mn-luis-estrada-film-satire-20141103-story.html> (дата обращения: 01.11.2021).
28. Thousands of Mexicans Protest Alleged Elections Fraud. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AHGejrKlagY> (дата обращения: 01.11.2021).
29. Tuckman, Jo. Mexican media scandal: secretive Televisa unit promoted PRI candidate // *The Guardian*. 26 June. 2012. URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/jun/26/mexican-media-scandal-televisa-pri-nieto> (дата обращения: 01.11.2021).
30. Llanos R., Romero G. Pescan en actos de corrupción a Bejarano // *La Jornada*. 4 March. 2004. URL: <https://www.jornada.com.mx/2004/03/04/005n1cap.php?origen=index.html&fly=1> (дата обращения: 01.11.2021).
31. Tadeo J. Проактивные мексиканские пользователи Twitter говорят #NotoCensorship [нет цензуре] по отношению к сатирическому фильму «Идеальная диктатура». URL: <https://ru.globalvoices.org/2014/09/04/30719/> (дата обращения: 01.11.2021).
32. Делез Жиль. Кино Жиль Делез. Москва: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. 560 с.
33. Лев Кулешов об эффекте Кулешова: фрагмент документального фильма Семена Райтбурта «Эффект Кулешова» (1969, Центрнаучфильм). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=akt46Sutzvo> (дата обращения: 01.11.2021).
34. Albéra F. Cinéma soviétique des années 1924–1928: commande sociale/commande publique // *Une histoire mondiale des cinémas de propagande*. Paris: Nouveau Monde éditions, 2015. Pp. 63–81.
35. Albéra F. Cinéma soviétique des années 1924–1928: le film de montage/document, matériau, point de vue // *Une histoire mondiale des cinémas de propagande*. Paris: Nouveau Monde éditions, 2015. Pp. 83–91.
36. Capra Frank. Frank Capra, The Name Above the Title: An Autobiography. New York: The Macmillan Company, 1971.
37. Феномен массовости кино / Министерство культуры Российской Федерации, НИИ киноискусства; под общ. ред. М. И. Жабского. Москва, 2004. 376 с.
38. Фрейд З. «Я» и «Оно» // *Труды разных лет*. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 351–392.
39. Куренной В. Философия фильма: упражнения в анализе. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. 232 с.

References

1. Desbarats, F. (2021). High-school cinema curricula: Evidence of new trends in education. *Film Education Journal*, 4 (2), 125–135.
2. Finckenauer, J., Waring, E. (1998). *Russian mafia in America: immigration, culture, and crime*. Boston: Northeastern University Press.
3. Roy, A. (2007). *Dictionnaire général du cinéma. Du cinématographe à Internet*. Québec, Fides.
4. Eizenshtein, S. M. (2021). *Behind the scenes. Key works of the film theory*. 2d ed. Moscow, Akademicheskii proekt.
5. El'zesser, T., Khagener, M. (2018). *Film theory. An introduction through the senses*. Saint Petersburg, Seans.
6. Gallese, V. (2003). The roots of empathy: the shared manifold hypothesis and the neural basis of intersubjectivity. *Psychopathology*, 36 (4), 171–180.
7. *The Kuleshov effect*. <https://www.youtube.com/watch?v=ZwMRtWNEQRo>.
8. Belodubrovskaya, M. (2020). *Going wrong. Cinematography under Stalin*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Atkinson, J., Bulbulia, F. (2021). Children coping with COVID-19: Intersectional understandings of Film and media access in a crisis. *Film Education Journal*, 4 (1), 29–43.
10. Widojoko, J. D. (2017). Indonesia's anticorruption campaign: civil society versus the political cartel. *The changing face of corruption in the Asia Pacific* (pp. 253–265). Elsevier.
11. Mufti, H. R., Kanumayoso, B. (2018). KPK and the commitment of the Indonesian government to eradicate corruption (2004–2014). *Cultural Dynamics in a Globalized World* (pp. 29–37). Routledge.
12. Onishi, N. (2009, 25 July). Corruption Fighters Rouse Resistance in Indonesia. *New York Times*. <https://www.nytimes.com/2009/07/26/world/asia/26indo.html?pagewanted=all>.
13. Ebang, Y. B. (2016). The Role of Mass Media in eradicating corruption. *Asia Pacific Fraud Journal*, 1 (2), 189–194.
14. Pramoto, D. A., Kriyantono, R. (2016). The Power of Media Effect: Construction Television as Media from Anti-Corruption Education in Indonesia. *KKU International Journal of Humanities and Social Sciences*, 6 (1).
15. *Komisi Pemberantasan Korupsi*. <https://www.facebook.com/KomisiPemberantasanKorupsi>.
16. *KPK*. https://twitter.com/kpk_ri.
17. *official.kpk*. <https://www.instagram.com/official.kpk/>.
18. *KPK RI*. <https://www.youtube.com/user/HUMASKPK>.
19. *Regulasi Kompetisi Ide Cerita Film Pendek*. <https://www.kpk.go.id/id/acffest-2021/acffest-2022-regulasi-film-pendek>.
20. *Jimptan KPK RI*. (2018). *ACFFest 2018*. https://www.youtube.com/watch?v=Lj8cII-DGU4&ab_channel=KPKRI.
21. *Home sweet home KPK RI*. (2019). *ACFFest 2019*. https://www.youtube.com/watch?v=jiP4l0qWDOY&t=679s&ab_channel=KPKRI.
22. Ghaliya, G. Breaking: KPK bill passed into law. (2019, 17 Sept.). *The Jakarta Post*. <https://www.thejakartapost.com/news/2019/09/17/breaking-kpk-bill-passed-into-law.html>.
23. Heriyanto, D. (2019, 27 Sept.). No, Indonesian students are not taking to the streets only to fight sex ban. *The Jakarta Post*. <https://www.thejakartapost.com/community/2019/09/27/no-indonesian-students-not-taking-to-streets-only-to-fight-sex-ban.html>.
24. Merekina O. (2017, 26 Apr.). "On behalf of the people": struggling corruption the Chinese way. *Magazeta*. <https://magazeta.com/serials-corruption/>.
25. Chinese official who had £24m cash at home given suspended death sentence. (2016, 17 Oct.). *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/17/chinese-official-who-had-24m-cash-in-his-house-given-suspended-death-sentence>.
26. Guan, B. (2019). Fighting Corruption in China Using the Media. *RAIS Journal for Social Sciences*, 3 (2), 55–61.
27. Linthicum, K. (2014, 3 Nov.). Mexican filmmaker Luis Estrada's satirical agenda hits home. *Los Angeles Times*. <https://www.latimes.com/entertainment/la-et-mn-luis-estrada-film-satire-20141103-story.html>.
28. *Thousands of Mexicans Protest Alleged Elections Fraud*. <https://www.youtube.com/watch?v=AHGejrKlagY>.
29. Tuckman, Jo. (2012, 26 June). Mexican media scandal: secretive Televisa unit promoted PRI candidate. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/world/2012/jun/26/mexican-media-scandal-televisa-pri-nieto>.
30. Llanos, R., Romero, G. (2004, 4 March). Pescan en actos de corrupción a Bejarano. *La Jornada*. <https://www.jornada.com.mx/2004/03/04/005n1cap.php?origen=index.html&fly=1>.
31. Tadeo, J. (2014, 4 Sept.). *Proactive Mexican Twitter users say #NotoCensorship in relation to a satirical film "Ideal dictatorship"*. <https://ru.globalvoices.org/2014/09/04/30719/>.
32. Delez Zhil'. (2012). *Cinema of Gilles Deleuze*. Moscow, Ad Marginem Press.
33. *Lev Kuleshov about the Kuleshov effect: a fragment of a documentary "The Kuleshov effect" by Semen Raytburt (1969, Tsentrnauchfilm)*. <https://www.youtube.com/watch?v=akt46Sutzvo>.

34. Albéra, F. (2015). Cinéma soviétique des années 1924-1928: commande sociale/commande publique. *Une histoire mondiale des cinémas de propagande* (pp. 63–81). Paris, Nouveau Monde éditions.
35. Albéra, F. (2015). Cinéma soviétique des années 1924-1928: le film de montage/document, matériau, point de vue. *Une histoire mondiale des cinémas de propagande* (pp. 83–91). Paris, Nouveau Monde éditions.
36. Capra, Frank. (1971). *Frank Capra, The Name Above the Title: An Autobiography*. New York, The Macmillan Company.
37. Ministerstvo kul'tury Rossiiskoi Federatsii, NII kinoiskusstva. (2004). *Phenomenon of mass cinematography*. Moscow
38. Freid Z. (1991). I and It. In *Works of different years* (pp. 351–392). Tbilisi, Merani.
39. Kurennoi V. (2009). *Film philosophy: exercises in analysis*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Вклад авторов

А. Л. Мельникова: подбор литературы, выбор фильмов и анализ с точки зрения образа коррупции и соответствия государственной политике.

А. С. Мицул: подбор литературы по теории восприятия, материалов по воздействию на зрителя, анализ фильмов с точки зрения изобразительно-выразительных средств.

The author's contribution

A. L. Melnikova: selecting literature, selecting films, analyzing them from the viewpoint of the image of corruption and compliance with the state policy.

A. S. Mitsul: selecting literature on the theory of perception and impact on a spectator, analyzing films from the viewpoint of artistic-expressive means.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 10.01.2022

Дата принятия в печать / Accepted 20.02.2022